

**14 января 2016 года исполнилось 80 лет
со дня рождения русского советского поэта
Николая Михайловича Рубцова.**

Недавно в газете «Советская Россия» прочитал статью кандидата технических наук Юрия Сидорова о Николае Рубцове. Читал с улыбкой. Почему? Да потому что «учёный-техник», только-только познакомившийся с творчеством уже давно широко известного поэта, восторженно рассказывает об этом как первооткрыватель Америки!

Почему-то вспомнилась нашумевшая в 60-е годы прошлого века в молодёжной прессе дискуссия физиков и лириков. На заре «эпохи космоса» на слуху были имена молодых талантливых поэтов Евгения Евтушенко, Роберта Рождественского, Андрея Вознесенского... Рубцова тогда ещё только «открывали». Известен и почитаем он был в основном в литературной среде, прежде всего в студенческой, будучи студентом Литературного института имени А. М. Горького Союза писателей СССР.

Сейчас о нём, о его творчестве написано намного больше того, что написал он сам. После трагической гибели поэта большими тиражами стали выходить его книги. На рубцовские стихи пишут музыку. В его память устанавливают мемориальные доски, открывают музеи, устанавливают памятники.

А в том январе 71-го...

Вспомнил. Мне позвонил из Белова Петя Шмаков, однокурсник в Литинституте:

– Колю Рубцова убили ли! – плачет...

– Как?! Кто?!

– Любовница. Задушила подушкой. Наверно, пьяного. Села на него и задушила. Ты же знаешь: он щуплый. А она оказалась здоровущая!..

– Может, из ревности?

– А кто его знает...

Погоревали. Повспоминали...

До первого, «заочного» знакомства о Рубцове я не слышал. А «заочное» произошло так. Май 1966 года. Приехал на сессию. Поднимаюсь по ступенькам общежития, иду по коридору. Навстречу приятель, страстный, как и я, любитель футбола, уралец Миша Донцов. Навеселе и довольно крепко. Идёт, раскачиваясь, поводя рукой из стороны в сторону с вытянутым вперёд указательным пальцем (у него такая привычка), протяжно то ли поёт, то ли нараспев декламирует:

В горнице светлым-светло-о...

Это от ночной звезды-ы...

Матушка возьмёт ведро-о...

Молча принесёт воды-ы...

Увидев меня, останавливается:

– А ты знаешь, что на наш курс пришёл Коля Рубцов? Отличный поэт! Его исключали, а теперь восстановили... Это его стихи. Я слышал, как он поёт их сам. Вот ещё. Слушай:

Ах, что ж я делаю!

Зачем я мучаю,

Терзаю маленький свой организм.

Ах, по какому же

Такому случаю

Все люди борются за коммунизм?..

Здорово! Вот ещё:

Планета вертится.

Пшеница мелется.

И всё на правильном таком пути.

Ах, замети ж меня,

метелица.

Ах, замети меня, замети!..

Поэт «кочевал» по общежитию, и однажды я оказался с ним в одной комнате на четверых. В гости приходили однокурсники из других комнат общежития, среди них мой земляк-кузбассовец прозаик Петя Шмаков, большой любитель и неутомимый собиратель анекдотов. Иногда устраивались застолья с выпивкой, и тогда шли шумные разговоры, читались стихи... Читал и Рубцов. Читал хорошо, страстно. А ещё оказался завзятым грибником (неслучайно его запоминающееся стихотворение «Сапоги мои скрип да скрип...»), и в момент нашего временного комнатного сожительства, помню, привёз с вологодчины трёхлитровую банку белых маринованных грибов. Как сказал, в подарок своему земляку поэту Александру Яшину. А когда в связи с его приездом приятели устроили стол, грибы оказались очень кстати.

Эти посиделки запомнились ещё и потому, что я впервые услышал, как Рубцов не читает, а поёт свои стихи. Вот он начинает петь свою до боли грустную «Прощальную песню» – песню о вынужденной разлуке с ещё крохотным дорогим существом, остаю-

щейся в зыбке дочери, возможно, разлуке навсегда... А ещё о покидаемом им деревенском семейном пристанище. Последнюю строку «И мигает, и плачет она» поэт повторяет дважды, взмахивая в такт словам рукой.

Грибы свои после пирушки из початой трёхлитровой Николай переложил в двухлитровую банку. Потом – в литровую... Довёз ли он их до Яшина, не знаю. Вполне возможно, что и не успел: охотников полакомиться таким деликатесом было много. Через два года, после кончины Яшина, Рубцов посвятит ему одно из лучших своих стихотворений «Последний пароход».

Однажды мы остались в комнате одни. Говорили о разном. Рубцов рассказал, как он с группой молодых поэтов-москвичей читал стихи у памятника Пушкину. Не в связи с какой-то датой, просто так захотелось – пришли и стали читать свои стихи. Москва есть Москва. Тут же собралась толпа зевак. А следом – милиция. «В чём дело? Что за митинг?» Поэтов забрали, привезли в ближайшее отделение для разбирательства с «нарушителями общественного порядка». Когда стражи порядка послушали, что они читали, – посмеялись и отпустили несостоявшихся «диссидентов».

Разговор зашёл о русских классиках. Оказывается, Рубцов влюблён в Тютчева. Я видел у него томик поэта в старинном – что-то вроде сафьянового – переплёте с дарственной надписью какой-то поэтессы. Кто-то из сокурсников терпеливо допытывался, какие у Николая с ней отношения...

– Тютчев, конечно, монархист, но сколько у него великолепных стихов о природе, какая философия стиха! – восхищался Рубцов. – А какие у него «сегодняшние» выражения! И ведь он почти ровесник Пушкина! Ну вот в стихотворении о потери им старшего брата:

*Передового нет, и я, как есть,
На роковой стою очереди.*

«Передового нет...» – сказано им ещё почти сто лет назад!..

Тогда я подумал, что «влюблённость в Тютчева» у Рубцова – своеобразная дань моде, желание найти себе кумира не из первого, «бесспорного» ряда. Ведь сказать, что, мол, люблю Пушкина, Лермонтова – так их все любят! Это не оригинально...

Заспорили, должна ли быть тенденциозность в литературе. Николай сослался на Льва Толстого, он никакой тенденциозности не признавал.

Я не согласился. Напомнил, каким иногда был страстным, даже пристрастным публицистом этот гений. Достаточно прочесть его «Не могу молчать!» о казнях крестьян царскими палачами. В конце кон-

цов Николай сам сказал, что у великого классика тенденциозность была воинственно-яростная. («Да у него эта тенденциозность захлёстывала!..»)

Вряд ли он мог думать иначе. Порой наша демонстративная парадоксальность выражений не что иное, как защита от банальности...

Спросил Николая о друзьях.

– У поэта не может быть друзей, – ответил он. – Вон Пушкин: «Ты царь – живи один!». У меня один настоящий друг – ленинградский поэт Глеб Горбовский...

Я запомнил это незнакомое мне имя. И вскоре увидел стихи Горбовского в «Литературной газете». А там строки: «Её вечерние глаза...».

– Это же литературщина! – говорю Николаю при встрече.

Рубцов поначалу, конечно, стал защищать друга, но потом всё же сдался:

– Может, ты прав...

Вспоминается такой любопытный разговор. В комнате я один. Лежу на кровати, читаю. Заходит Рубцов и говорит:

– Знаешь, ехал сейчас по Москве в троллейбусе и... ни одного русского лица!

Сказал это Николай с горечью.

– Недавно был на одной вечеринке. И там красивая девушка лет восемнадцати. Я её пригласил на танец, а она стесняется: прихрамывает... Может, пойти с ней в ЗАГС, как ты думаешь? Но ведь она еврейка! Станет рожать евреев... Ты как относишься к евреям?

– Нормально, – отвечаю с улыбкой. – Я вот живу с татаркой!..

Сказал ему, что приятельствую с евреем, тоже пишущим стихи...

Потом я прочёл стихотворение Рубцова «Левитан», посвящённое... художнику-еврею.

Конечно, любопытно было узнать, как он стал замечником и попал на наш курс. По его словам, «жертвой» того, теперь широко известного, скандала в ЦДЛ и причиной исключения был не какой-то «деятель из ресторана», пытавшийся вытолкнуть возмущённого несправедливостью поэта (докладчик какой-то конференции среди имён лучших русских советских писателей не назвал имени Есенина), как о том пишет однокурсник Рубцова с дневного отделения Валентин Сафонов, а сам директор Центрального Дома литераторов, которому Николай дал достойный отпор.

Не могу здесь не сказать о так называемой «бедности», неприютности поэта, которые постоянно портили ему быт, – и семейный в деревне, и «холостяцкий» в городе. Конечно, жить на случайные гонорары и заимствования было, мягко говоря, не-

просто. Но это был его выбор! А, может, судьба... Прочтите его великолепную миниатюру «Добрый Филя». Не прообраз ли это самого поэта?!

*И разве не он писал:
За все хоромы я не отдаю
Свой низкий дом с крапивой под оконцем...
Как миротворно в горницу мою
По вечерам закатывалось солнце!*

Да, став заочником, Рубцов не только лишился стипендии и общежития в Москве, но ещё должен был регулярно представлять в бухгалтерию института справку с места работы! Слава богу, в литературно-художественных редакциях сидели люди, ценившие настоящий талант, и с этим делом у него проблем не было: Рубцова, хоть и не часто, печатали.

Не приемлю приписываемую Рубцову набожность, религиозную канву творчества. Вот санкт-петербургский поэт Владимир Хохлев, поместив в журнале «Бег» (2009, № 8) своё многостраничное криминально-психологическое исследование той январской трагедии с «опросом» предполагаемой убийцы Рубцова Людмилы Дербиной, причислил его чуть ли не к одному из посланников Иисуса Христа! Ведь дело не в том, заходил ли он с трепетом в старинный храм, была ли у него в сельском доме икона или её там не было. Скорее всего, он относился к религии так же, как один из его любимых поэтов Сергей Есенин:

*Если крикнет рать святая:
«Кинь ты Русь, живи в раю!».
Я скажу: не надо рая.
Дайте родину мою!*

Вот привёл эти строки, а в мыслях мелькнули другие есенинские:

*Цветы на подоконнике.
Цветы, цветы...*

А следом рубцовские:

По утрам умываясь росой...

Вспоминаю... Общежитие. Сажу за столом. Рубцов стоит у окна спиной ко мне и стучит одним пальцем по клавишам у кого-то позаимствованной пишущей машинки, стоящей на подоконнике. Отрываюсь от страниц какой-то книги и бросаю взгляд через его плечо. Вижу: столбиком – стихи. Выше первой строки написанный крупным шрифтом заголовок: «Цветы». Переписывает по памяти. Новые? Только что родившиеся или уже отработанные, предназначенные для какого-либо журнала или для

чтения по радио? Спросить не решаюсь. Возможно, это были как раз те, что он потом читал у микрофона радиостанции «Юность». Я в тот момент оказался в буфете-столовой учебного корпуса института, где висел на стене «динамик».

Известность и популярность (что не одно и то же!) Николая Рубцова произрастали, естественно, из самого лучшего, написанного уже в шестидесятые годы. Сначала в литературной – даже уже – студенческой среде. Тут и «серьёзные», наполненные философским осмыслением жизни, стихи, такие как «Журавли», и шуточные («Стукнул по карману...»), и «хулиганские» с устными вариантами матерщины («Жалобы алкоголика»).

В одной из тех давних бесед Рубцов сказал, что он любит писать «длинной» строкой: «Меж болотных столбов красовался восток огнеликий...»

Для меня выражение «болотные столбы» было незнакомо, а он прочитал именно так: «столбов», и Рубцов стал объяснять, что болотные столбы – отмершие деревья, местный диалект. Правда, в сборниках «столбы» всё-таки изменили на «стволы»... И «длинных» рубцовских строк оказалось не так уж много. Впрочем, возможно, их, напоминающих знаменитый гомеровский гекзаметр, немало он унёс с собой, как это известно из его беседы с Виктором Астафьевым.

163 Главное не это. Главное, какой бы строкой, какой бы интонацией он ни воспользовался, везде видна рука мастера! Ни одного лишнего, не соответствующего замыслу слова, ни одной фальшивой интонации. Предельная искренность! Всего одной-двумя строками вдруг нарисует потрясающую картину своего несчастливого быта:

Мать пройдёт и уснёт без улыбки...

Даже читая его так называемые ранние стихи, в том числе из машинописного сборника «Волны и скалы» (конкурсная работа при поступлении в институт), видишь: это не просто талантливый, а уже вполне сложившийся поэт – со своей темой, своим видением мира, своими образами, своей лексикой...

Литинститут же, куда так упорно стремился поэт из провинции, думаю, нужен был ему не столько для утверждения таланта, сколько для общего развития образованности, для вращения в литературных столичных кругах, для личных контактов в московских редакциях и издательствах.

Пусть читатель не воспримет эти мои заметки-воспоминания как попытку исследования жизни и творчества Большого поэта. И хотя известное есенинское «Большое видится на расстоянии» для меня

верно и с тех пор прошло более сорока лет, знаменитый и гениальный русский поэт Николай Рубцов помнится мне таким, каким был при жизни: уважаемым и доступным, грустным и весёлым. С которым на равных можно спорить. Который молодо и задорно мог воскликнуть:

*Пусть с горя я напился –
Я тоже человек!
Зачем не уродился
Я в двадцать первый век?!*

Вспоминаю... В комнате нас четверо: вологжанин Рубцов, алтаец Комраков, забайкалец Трофимов... У Трофимова и Комракова уже есть книжки, вышедшие в местных издательствах. Название книги рассказов Комракова лирическое: «Прощай, гармонь!». Один из них – «Дип и люди» – напомнил мне учёбу в ремесленном училище в Рубцовске. Позже узнаю, что Гена работал в этом городе на заводе «Алтайсельмаш», где наша группа слесарей-инструментальщиков проходила производственную практику. Название первого «тощего» сборника Трофимова – «Первотроп» – «многозначашее». Миша охотничает. Поэтому сборник – ещё и первая тропа в поэзию... Рубцов, предпочитающий «тихую» грибную охоту, над ним подтрунивает: «Миша, зачем тебе бегать за тигром?!»

О том, что у Рубцова тоже есть первый провинциальный сборник, я узнаю много лет спустя. Тогда же, в одной из бесед, он сказал, что в Москве готовится к изданию его книга, редактирует которую руководитель его семинара поэт Николай Сидоренко.

После выпуска наши пути разойдутся. Комраков издаст длинный ряд интересных книг, вступит в Союз писателей. И уйдёт из жизни, как говорят, преждевременно, в разгар «перестройки». Ушёл из жизни и весельчак Петя Шмаков, успевший издать только две книжки рассказов (одну в Москве). Трофимов живёт в Иркутске, по-прежнему пишет стихи, в том числе об охоте. Недавно читал хорошую подборку в «Нашем современнике», сопровождаемую портретом автора (почему-то без очков – едва узнал) и краткой автобиографической справкой:

«...известный читающей России поэт, автор многих стихотворных книг, член СП»).

Судьба Рубцова, как я сказал выше, теперь широко известна и продолжает привлекать внимание тех, кто ещё вчера с его творчеством не был знаком. Ту свою первую «московскую» книгу, о которой он говорил перед её выходом в свет, он называет красиво и торжественно – «Звезда полей» и, по воспоминаниям близко знавших его, будет рад её выходу (в отличие от самой первой «архангельской» – «Лирики»). Высоко оценят её и маститые литературоведы. Она будет представлена им в качестве дипломной работы. Правда, «краснодипломником» нашего 1969 года выпуска станет другой поэт. В общей оценке учитывалось не только творчество. Не в этом дело. Фамилию того «краснодипломника» (говорили, очень талантливый) я потом нигде не встречал. Рубцова же знает и почитает вся Россия.

Иногда, расвспоминавшись, достаю из домашнего архива большое коллективное фото нашего выпуска... Тесными рядами в «пять этажей» загордели мы на прощанье главный вход учебного корпуса на Тверской, 25. Первый «сидячий» ряд заполнили, конечно, наши администраторы, преподаватели, руководители творческих семинаров. В центре первого ряда ректор Владимир Пименов. Крайние справа – поэт Егор Исаев, декан заочного отделения Павел Таран, напарник Исаева по семинару поэзии критик Владимир Мильков. Исаев склонился к Тарану, о чём-то беседует...

А вот и Николай Рубцов. Он во втором ряду крайний справа. Тёмный костюм. Белая рубашка. Галстук. Правая рука заложена за борт пиджака. В опущенной левой свёрнутая вдвое белая папка. Высокий лоб с залысиной. Лицо серьёзное. Неподалеку, с едва заметной улыбкой на лице, Гена Комраков. А на самом веру, на ступенях крыльца мои приятели: Миша Донцов, Миша Трофимов, Петя Шмаков...

Стоял июнь шестьдесят девятого года. До январской трагедии семьдесят первого оставалось чуть более полутора лет...

г. Югра

